

Обсуждая Глобальный Восток

Елена Трубина

Доктор философских наук, профессор, директор Центра глобального урбанизма,
Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
Адрес: просп. Ленина, д. 51, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620075
E-mail: elena.trubina@gmail.com

В предисловии к тематическому выпуску речь идет о попытках институционализации и популяризации центрального понятия — «Глобальный Восток». Обсуждается «трансфер» результатов географической и эпистемологической рефлексии между различными профессиональными и интеллектуальными сообществами и сетями, образованными специалистами и «сочувствующими». Подчеркивается роль «очных», «лицом-к-лицу» обсуждений в привлечении и удержании интереса коллег к концептуальному движению, польза которого очевидна не для всех. Заявляется, что дебаты вокруг нового понятия и его способности генерировать изменения в организации знания в и о постсоциалистическом регионе мира значимы для усиления сотрудничества и активизации междисциплинарных международных исследований и их обновления. Утверждается, что профессиональные сети и способы, которыми знание в них и между ними распространяется, зависят от неформальных социальных связей: именно они становятся точками кристаллизации научной коллаборации либо обмена идеями между разными группами специалистов.

Ключевые слова: Глобальный Восток, институционализация, популяризация понятия, профессиональные сети, географическая и эпистемологическая рефлексии

Рефлексия позиции, исходя из которой знание продуцируется и затем пропагандируется, как правило, происходит в рамках тех или иных институтов, специализирующихся на производстве и передаче знания, в свою очередь, включенных в глобальные иерархии вузов, отраженных в рейтингах и прочем. Даже если рефлексия осуществляется за физическими пределами собственных университетов на круглых столах и секциях конференций, она тесно связана с теми или иными формами признания и снова иерархий. Рефлексия имеющихся форм признания и иерархий нередко сопряжена с осознанием различных вариантов непризнания и необходимостью критики иерархий. Понятие «Глобальный Восток», как мне кажется, может быть для этих целей весьма продуктивным: с его помощью можно переосмыслить условия производства знания учеными постсоциалистических стран. Ниже я хотела бы кратко рассказать о горизонтальном концептуальном движении, организованном вокруг этого понятия.

Публикация данного тематического выпуска в гостеприимном «Социологическом обозрении» — значимый этап упомянутого движения. Мы ставим в центр дискуссии перевод на русский язык статьи Мартина Мюллера «Разыскивая Гло-

бальный Восток: мышление между Севером и Югом». Выйдя онлайн в 2018 году в журнале «Geopolitics», статья к сентябрю 2020-го (времени сдачи этого выпуска в печать) собрала на веб-сайте журнала свыше пяти тысяч просмотров, что свидетельствует о сильном интересе к такому необщепринятому способу деления мира на части.

Предыстория статьи и концептуального движения включает открытие в Уральском федеральном университете исследовательского центра по урбанистике¹, где сооснователями выступили мы с Мартином Мюллером. Для переговоров с администрацией УрФУ и Уральского гуманитарного института Мюллер несколько раз приезжал в Екатеринбург и там же небольшой группе коллег, аспирантов и магистрантов представил свою концепцию Глобального Востока. Дмитрий Безуглов — один из магистрантов — перевел статью Мюллера для этого выпуска и написал к ней комментарий. Мы и Центру хотели дать такое название — Центр Глобального Востока, справедливо рассчитывая, что это поможет продвижению хорошей идеи. Однако воплощению нашего замысла помешали представления коллег-востоковедов УрФУ о том, что такое Восток. Тем не менее мы продолжили пропагандировать данное понятие, поставив его в фокус весьма широкого спектра вопросов на целом ряде конференций и круглых столов².

В ходе нашей работы обнаружилось, что Глобальный Восток интересует и других ученых, в частности Джонатана Баха и Микала Муравски. Они обращаются к постсоциалистическому миру для осмысления центральности и децентрализованности в генеалогии глобальности глобальных городов и очень близким Мюллеру образом заявляют, что, хотя именно в этом мире модерность была реализована наиболее радикально, «постсоциалистические города подвергаются глобальному исключению в городских исследованиях и теоретизировании» (Bach, Murawski, 2020: 5). Бах и Муравски «с оговорками находят термин „Глобальный Восток“ полезным» (Ibid.: 7), поскольку он позволяет развить аргумент о «глобальной постсоциалистической ситуации» (Gille, 2009), сформулированный американским социологом Жужей Гилле. Термин также полезен при рассуждениях о «провинциализации» Запада и Севера посредством помещения в центр исследовательского внимания не только Юга, но и Востока.

К обсуждению проблематики Глобального Востока мы пригласили коллег по профессиональной сети CAT-ference³ (проходящие раз в два года конференции на

1. <https://cgu-urgi.urfu.ru/ru>.

2. О «Глобальном Востоке» мы сделали несколько докладов: Трубина Е. Г. От Второго мира к постсоциалистическому пространству: в поисках замены Восточному блоку. Доклад на панели «Глядя как регион: городская и региональная геополитика» на Ежегодной конференции Ассоциации американских географов в Нью-Орлеане в 2018 году (<https://aag.secure-abstracts.com/AAG%20Annual%20Meeting%202018/sessions-gallery/445>); Мюллер М. Лекция из цикла «Александр фон Гумбольдт»: «В поисках Глобального Востока. Почему „глобальный“ урбанизм далек от глобального? Как мы теоретизировали из Севера и Юга, но забыли о Востоке» (Радбоут университет, Наймеген, Голландия, декабрь 2019).

3. https://catference2019-belgrade.rs/photo-gallery?fbclid=IwAR2ZTi-vNjo8GJoiQSDyyRYjPo6muwGofofzTRqo_Rbv5ykxuLUYbcc4u4k

тему «Города после транзита»), участвовавших в конференциях в Киеве в 2017 году и в Белграде в 2019 году. Так, в Белграде мы организовали несколько панелей под общим названием «Глобальный Восток в глобальной геополитике знания: взгляды из пространства между Севером и Югом», где были представлены исследования, которые позже составили отредактированный нами тематический выпуск журнала «Eurasian Geography and Economics» (статьи уже размещены онлайн, а выход «на бумаге» планируется в конце 2020 года). Во главе SAT-ference и упомянутого журнала стоят занимающиеся Восточной Европой западные ученые — городской географ из Университета Осло Майкл Джентиле и гуманитарный географ из Метрополитэн Университета Манчестера Крэйг Янг. Они не только нас поддержали, но и включили термин «Глобальный Восток» в название вводной статьи, представляющей читателям новую редакционную коллегию журнала. Приведу цитату из этого текста, отражающую одновременно и амбивалентность использования данного понятия, и решимость коллег активно действовать:

Задача журнала «Евразийская география и экономика» — расширение его роли... в качестве ведущего издания, несущего аналитикам и широкой публике теоретически фундированное знание об изменениях в Евразии. В то же время журнал будет ключевым игроком среди тех, кто нацелен на деколонизацию географического знания, делая эксплицитно релевантными (в рамках глобальных тенденций) те географические и экономические теоретические позиции, что сформировались вне понятия «Глобального Северо-Запада». Хотя в предыдущее десятилетие многое уже изменилось к лучшему, уникальное положение журнала позволяет ускорить этот процесс. Наряду с исследованиями, благодаря которым концепция «Глобального Юга», часто в рамках постколониальной теории, включена в повестку современных академических дебатов, представляется важным сделать то же самое и с «Глобальным Востоком» (за недостатком лучшего термина) — регионом, который временами удивительным образом остается несколько маргинальным в географическом дискурсе. (Chan et al., 2018: 3)

По инициативе Джудит Пэллот (на тот момент президента Британской ассоциации славистов и исследователей стран Восточной Европы) мы провели круглый стол, посвященный Глобальному Востоку на ежегодной конференции BASEES в 2019 году. Мы пригласили Зайру Бадилло и Микала Муравски из Юниверсити колледж, Ричарда Сакву из университета Кента обсудить следующие вопросы: 1) «Север», «Юг», «Восток», «Запад» — в чем смысл этих категорий и в чем их значение для вашего профессионального поля? 2) Что случилось со Вторым миром после распада коммунистической системы? 3) Какова роль Востока в «глобализации» теоретической работы, в том числе в контексте третьей волны *area studies*? 4) Запад и Восток: каковы связи и пересечения, а также различия и несовпадения? 5) В городской теории в последнее время часто обсуждается уникальность городов. В чем могла бы состоять специфичность городов Глобального Востока? Вокруг каких тем можно попытаться построить теоретические рассуждения о нем?

Послушать наши выступления собрались коллеги, скептически оценивающие состояние современной славистики, и те, кто с сочувствием относится к странам и жителям «нашего» региона. Обсуждение было интересным. Так, Ричард Саква, который давно работает над проблематикой нового международного порядка (см., например: Sakwa, 2017) и места в нем России и Восточной Европы, обратил внимание на то, что после падения железного занавеса международной системе так и не удалось установить эффективный порядок в Европе. Эволюция Европейского союза в сторону атлантизма стала одной из причин событий в Украине в 2014 году и «новой холодной войны». Этот дрейф ЕС в сторону геополитических приоритетов ставит в сложное положение так называемую «новую» Восточную Европу (Беларусь, Молдову, Украину, Армению, Азербайджан и Грузию). Удалось ли системе Атлантического союза трансформировать институты и представления времен холодной войны — большой вопрос, и Саква склоняется к отрицательному ответу. Он различает понятия «исторического Запада» (определяемого и управляемого НАТО и ЕС в силу их представлений о коллективной безопасности) и «Большой Европы», понимаемой более широко. Россия и другие страны Восточной Европы отнесены Саквой к числу тех, кто оспаривает гегемонию либерального международного порядка, отстаиваемого «историческим Западом».

На дискуссии также присутствовал директор-основатель Института социальной антропологии имени Макса Планка Крис Хан, который много времени посвятил изучению постсоциализма, а несколько лет назад предпринял масштабную работу, проследив генеалогию понятия «Евразия» (Hann, 2016). Пришли и коллеги во главе с Дерекком Хатчесоном из Университета Мальмо, с которыми, в составе группы ученых из нескольких отечественных университетов, мы работали над проектом LUPSRUSS «Городское планирование в России и Швеции: инклюзивность, легитимность и устойчивое развитие». Я привожу эти детали привычной в недавнем прошлом конференционной жизни, сознавая, что в полной мере она уже не вернется, и столь значимые для всех нас жесты солидарности и поддержки теперь будут восприниматься иначе.

Еще одна значимая для данного проекта конференция «На границах городского: глобально осмысляя понятия и практики» была организована Университетским колледжем Лондона 10–12 ноября 2019 года⁴. На ней обсуждались: 1) связь между конкретными контекстами и общим современным пониманием «городского» и урбанизации; 2) вызовы городским исследованиям, планированию и близким областям со стороны «южного» и «восточного» урбанизма. Признанием значимости популяризуемого нашим Центром глобального урбанизма понятия «Глобальный Восток» стало включение организаторами в программу конференции отдельной панели «Думая, находясь на Восток(ах)». Она открылась докладом Мюллера «Как мы теоретизировали города на Севере и на Юге, но за-

4. Программу конференции «At the Frontiers of the Urban: Thinking Concepts and Practices Globally» можно посмотреть здесь: <https://www.ucl.ac.uk/urban-lab/events/2019/nov/frontiers-urban-thinking-concepts-and-practices-globally>.

были подумать о Востоках», в котором он, в частности, отметил, что значительная часть теорий в городских исследованиях отмечена дуализмом между Севером и Югом, и это приводит к исчезновению из поля зрения множества городов. Так, в «северной» городской теории, сфокусированной на богатых и могущественных городах, городам Глобального Востока отведена роль эпигонов, обреченных на догоняющую модернизацию. Одновременно города Глобального Востока невидимы и в проектах Юга. Мюллер считает, что будущее, в котором все города имеют равные шансы, откроется, если пойти дальше «полушарного мышления»: нужна не «южная» и не «восточная», а космополитичная городская теория. Это достижимо за счет: во-первых, расширения нашего географического воображения, во-вторых, усложнения теоретического репертуара и, в-третьих, исправления искаженной геополитики городского знания.

В своем докладе «Недоисследованные и недотеоретизированные: о недостатке академических исследований центрально-азиатских городов» я показала, как специфические эпистемологические процедуры приводят к «объединению» городов в регионы, но особенности жизни в центрально-азиатских городах остаются в тени исследования этого региона в целом. Ученые, работающие в Центральной Азии, осуществившие в прошлом значимые, пусть и ограниченные концептуально, исследования, сегодня сталкиваются со сложностями при получении финансирования, в результате их исследования остаются в стороне от новых концептуальных течений, а сами они оказываются своего рода маргиналами в широких международных дебатах.

Одной из организаторов этой конференции была ведущий на сегодня постколониальный исследователь городов Дженифер Робинсон. «Глобальный Восток» вошел в фокус ее внимания не только как инициатива занимающихся Восточной Европой ученых, но и как проект исследователей, представляющих другие варианты Востока. Так, израильский географ, урбанист и планировщик Орен Юфтахель уже десятилетие ставит вопрос о «юго-восточной» позиции в планировании, одну из статей на эту тему он начинает с обсуждения «эстонизации» Таллинна как одного из многих примеров городских сообществ, разделенных этнопространственными коллизиями (Yiftachel, 2006). Он сопоставляет планирование в Таллинне с тем, как это делается в других городах, развитие которых подверстано под националистические задачи — Сараево, Куала-Лумпур, Белфаст, Иерусалим, Кейптаун, — и настаивает на необходимости создания «не-западных» (и «не-северных») теорий мезоуровня, свободных от универсалистских претензий, но тем не менее позволяющих строить обобщения.

Я описываю эти эпизоды профессиональной жизни для того, чтобы побудить коллег, в частности, занимающихся постсоциалистическим пространством, к разговору о том, какое место (и время) занимает это пространство в мире. Наша активность в центрах производства западного урбанистического знания (Университет Шеффилда с сильнейшим в мире Урбанистическим институтом, Университет колледж в Лондоне, на географическом факультете которого работают лидеры

постколониальных урбанистических исследований) была призвана обратить внимание представителей и этих институций, и всего урбанистического и географического сообществ, что помимо уже хорошо изученного Глобального Юга есть большая часть мира, которую мы называем Глобальным Востоком. В моих собственных текстах о городском развитии, опубликованных по-английски, я разработала целый ряд концептов: «клиент-ментальность», «маневрирование элит», «городские фьючерсы», «чувствительность по отношению к благоустройству» и т. д., с помощью которых анализировала те или другие процессы. Но «Глобальный Восток» — понятие иного плана: оно фиксирует призыв дополнить закрепившееся за последние двадцать лет обыкновение называть «постсоциалистической» значительную часть мира иным, если угодно, более амбициозным ее названием. Возможно, это утопическое стремление (или когнитивная утопия) — использовать это и другие понятия для реализации этического и политического требования признать в качестве равного и заслуживающего внимания «наш» регион и тех, кто его исследует, и тех, кто в нем живет и работает. Это — жест, нацеленный вовне. Не менее важным кажется и стремление побудить к разговору и тех, кому, возможно, достаточно исследований, проводимых внутри одной традиции, либо страны, о том, какие связи между исследуемыми реалиями и большим миром для них особенно важны. Для этого нам нужны публикации и дискуссии по-русски, включая и данную.

* * *

Коллеги, согласившиеся развернуто отозваться на статью Мюллера — профессор Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе Альмира Усманова, постдок Назарбаев Университета в Нур-Султане Аминат Чокобаева и доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге Нари Шелекпаев, — обращают внимание на разные стороны аргументации Мюллера. Для Усмановой принципиальным моментом становится неизбежность ангажированности тех или иных теорий. Взяв в качестве примера методологический национализм, гендерные исследования и деколониальный дискурс, она показывает, какими следствиями для понимания как «постпостсоциалистического состояния», так и «Глобального Востока» оборачивается приверженность каждой из этих парадигм. Усманова, работающая в белорусско-литовском вузе в Вильнюсе, пишет о своем «включенном наблюдении» в городе и стране, с одной стороны, удаленных от экономических и дискурсивных центров, а с другой, озабоченных, в ходе продолжающейся «литвизации», как русским и русскоязычным влиянием, дискурсивно и политически увязываемым с угрозой поглощения, оккупации и нападения с «Востока», так и экономической зависимостью от «Запада». Усманова ратует за сохранение постсоциалистической проблематики на том основании, что популярность десоветизации и декоммунизации у политиков многих стран Восточной Европы и бывшего Второго мира обо-

рачивается изгнанием всех «призраков социализма», а с ним — крайне выборочным прочтением национальной и общей истории всех стран Восточного блока.

На схожие тенденции указывают авторы другой статьи выпуска. Чокобаева и Шелекпаев обращаются к постсоветской историографии Казахстана и Кыргызстана — конкретному предметному и дисциплинарному полю, позволяющему продемонстрировать, как Центральную Азию можно включить в проект «Глобального Востока» и что этому может помешать. Если для граждан центрально-азиатских стран десоветизация невозможна в силу жизненного опыта, в частности, позитивного отношения и к России, и к советскому прошлому, политики создают националистические исторические нарративы, в которых, как и в Прибалтике, советский период оттесняется в тень, а акценты делаются на досоветскую эпоху и современный период жизни этих стран («постсоветскую модерность»). Авторы видят параллельные процессы в науке и в истории: рассмотрев отличия между новаторскими исследованиями голода в Казахстане, осуществленными в первой половине 1990-х и в наши дни, авторы подчеркивают, что националистический запрос на историческое знание оборачивается популярностью исследований о досоветском прошлом и фокусом на тех фигурах и событиях, которые можно символически использовать в нациестроительстве стран региона. Сходство между анализом, проведенным Усмановой, Чокобаевой и Шелекпаевым, заключается в зафиксированном ими контрасте между открытостью, критичностью, новизной подходов 1990-х и нарастанием связанной с нациестроительством самоцензуры интеллектуалов. Россия, которую в этой коллекции текстов представляю своим эссе я, исключением из этой тенденции, увы, не является.

Насколько продуктивно настаивать, как это делает Мюллер, что «постсоциализм» должен уступить место «Глобальному Востоку»? Важно, по-моему, помнить, что и в интеллектуальной истории, и в сложной и постоянно меняющейся современной конфигурации дисциплин и центральных теорий есть смысл стремиться к сочетанию *нескольких позиций*, каждая из которых высвечивает в происходящем что-то иное. Публикуемые комментарии коллег позволяют увидеть, насколько болезненно некоторые из них воспринимают само допущение, что от «постсоциализма» можно и даже нужно отказаться. В антропологии, современной истории, славистике, урбанистических исследованиях именно с использованием «постсоциализма» и различных от него производных связана впечатляющая исследовательская и теоретическая работа. Причастный к ней ученый может отнестись к аргументам Мюллера как к несколько эксцентричным и недооценивающим глубокую историческую тридцатилетнюю рефлексию того, что пришло «после» социализма (об этом, в частности, пишет в своем комментарии Дуг Роджерс).

Собирая комментарии к статье Мюллера и ведя по их поводу переписку с коллегами, я почувствовала, что практики географического обозначения, названия (и переназвания) вызывают весьма сильные реакции. Большинство относится к «Глобальному Востоку» сдержанно. Стокгольмский историк Юлия Градскова считает, что «ориенталистские» ассоциации, вызываемые этим термином, непо-

бедимы, екатеринбургский куратор Марина Соколовская, вспоминая свое отрочество в Душанбе в 1990-е, проводит различие между заботами ученых и иных интеллектуалов: если для Мюллера невидимость нашего региона в глобальной академии — симптом ее несправедливого устройства, то Соколовской непонятно, о невидимости кого именно кому именно идет речь. Архитектор Поль Волькенштейн, работающий над диссертацией об отношениях между архитектурой и властью на Кавказе и в советской Центральной Азии при Брежнев, — единственный принял термин «Глобальный Восток» безоговорочно. Однако, как и авторы эссе, он замечает, что для властей новых государств сокровища архитектурного советского модернизма не важны. Рижский писатель Андрей Левкин, подвергнув статью Мюллера строгому «фактчекингу», резонно спрашивает, для решения каких задач схема мира, включающая Глобальный Восток, может быть эффективна. Историк советского прошлого из Хьюстонского университета Алексей Голубев, как и Дуг Роджерс, сожалеет, что идеи Мюллера лишены историчности, и не видит большого смысла в самой схеме, делящей мир на большие части («миры»). Тартуский политический теоретик Андрей Макарычев заявляет о сложностях, с которыми столкнутся те, кто будет пытаться использовать именно «Восток» как платформу объединения, так как именно «Запад» и «Север» сохраняют свою привлекательность для миллионов постсоциалистических граждан. Наконец, московско-екатеринбургский куратор и переводчик Дмитрий Безуглов на малоизвестных, но волнующих примерах (в частности, работы москвичей с черкесским музыкальным фольклором) делает трезвый и многообещающий вывод о том, что Глобальный Восток «можно приживлять для анализа культурных феноменов». Моя собственная позиция в отношении этих реакций все же состоит в том, что *все* схемы называния могут быть переосмыслены и что стоит искать более гибкие рамки анализа того, где в мире и в истории размещается постсоциалистический мировой регион.

Этот тематический выпуск вносит вклад в коллективное осмысление связи между предпочитаемым учеными набором пространственных понятий и метафор и общим знанием о мире. Вопросы о том, как называть современный период развития стран, объединенных социалистическим прошлым, и как называть сами эти страны, вместе образующие мировой регион, возникают весьма часто, и обращение к концептуальным рамкам, организующим представления об этих времени и месте, конечно же, назрело. И для развития пространственного воображения, и для преодоления методологического национализма эта работа важна и будет продолжена.

Литература

Chan K. W., Gentile, M., Kinossian, N., Oakes, T., Young C. (2018). Theory Generation, Comparative Analysis and Bringing the «Global East» into Play // Eurasian Geography and Economics. Vol. 59. № 1. P. 1–6.

- Bach J., Murawski M. (ed.). (2020). *Re-Centring the City: Urban Mutations, Socialist Afterlives and the Global East*. London: UCL Publishing.
- Gille Z. (2009). Is There a Global Postsocialist Condition? // *Global Society*. Vol. 24. № 1. P. 9–30.
- Hann C. (2016). A Concept of Eurasia // *Current Anthropology* Vol. 57. № 1. P. 1–27.
- Müller M. (2020). In Search of the Global East: Thinking between North and South // *Geopolitics*. Vol. 25. № 3. P. 734–755.
- Sakwa R. (2017). *Russia against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Yiftachel O. (2006). Re-engaging Planning Theory? Towards «South-Eastern» Perspectives // *Planning Theory*. Vol. 5. № 3. P. 211–222.

Debating the Global East with Colleagues

Elena Trubina

Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Center for Global Urbanism, Ural Humanities Institute, Yeltsin Ural Federal University

Address: Lenin ave., 51, Yekaterinburg, Russian Federation 620075

E-mail: elena.trubina@gmail.com

The foreword to the thematic issue deals with the attempts to institutionalize and promote the central concept of the Global East. It discusses the “transfer” of the results of the geographical and epistemological reflection between different professional and intellectual communities and networks formed by specialists and “sympathizers”. The role of “face-to-face” discussions in attracting and retaining the interest of colleagues in the conceptual movement, the benefits of which are not obvious to all, is emphasized. It is stated that the debate about the new concept and its ability to generate changes in the organization of knowledge in and about the post-socialist region of the world is important for strengthening cooperation and activating interdisciplinary international research and its publication. It is argued that professional networks and the ways in which knowledge is disseminated within and between them depends on informal social connections. These connections become points of the crystallization of scientific collaboration or the exchange between different groups of specialists.

Keywords: Global East, institutionalization, popularization of a concept, professional networks, geographical and epistemological reflection

References

- Chan K. W., Gentile, M., Kinossian, N., Oakes, T., Young C. (2018) Theory Generation, Comparative Analysis and Bringing the “Global East” into Play. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 59, no 1, pp. 1–6.
- Bach J., Murawski M. (ed.) (2020) *Re-Centring the City: Urban Mutations, Socialist Afterlives and the Global East*, London: UCL Publishing.
- Gille Z. (2009) Is There a Global Postsocialist Condition?. *Global Society*, vol. 24, no 1, pp. 9–30.
- Hann C. (2016) A Concept of Eurasia. *Current Anthropology*, vol. 57, no 1, pp. 1–27.
- Müller M. (2020) In Search of the Global East: Thinking between North and South. *Geopolitics*, vol. 25, no 3, pp. 734–755.

Sakwa R. (2017) *Russia against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order*, Cambridge: Cambridge University Press.

Yiftachel O. (2006) Re-engaging Planning Theory? Towards "South-Eastern" Perspectives. *Planning Theory*, vol. 5, no 3, pp. 211–222.